

УДК 339.342.1

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСТОЙЧИВОГО ИНФРАСТРУКТУРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

PREDICTION OF EFFECTIVENESS OF SUSTAINABLE INFRASTRUCTURE AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHINA

Г. Н. Гаврилко,

доцент кафедры международных экономических отношений БГУ, канд. экон. наук

G. Gavrilko

Дата поступления в редакцию — 12.05.2016 г.

В статье рассматривается экономическая концепция «новой нормальности», которую Си Цзиньпин представил на совещании руководителей торгово-промышленных предприятий в рамках АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. Выявлены специфические характеристики, отличающие китайскую трактовку «новой нормальности» от западных подходов, показаны направления реализации новой экономической стратегии Китая в посткризисный период.

The article considers an economic concept of the new normal introduced by Chinese President Xi Jinping at the APEC CEO Summit held in Beijing in November, 2014. The article reveals specific features which distinguish the Chinese interpretation of the new normal from Western approaches; it also presents trends in the implementation of China's new economic strategy in the post-crisis era.

Введение.

С конца 2013 г. в современную китайскую официальную лексику вошло понятие «новая нормальность» (*синь чантай*), указывающее на перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Его прообразом стало понятие *New Normal*, которое появилось в западных экономических источниках для описания долгосрочного характера посткризисных негативных явлений в мировой экономике.

Концепция «новой нормальности» обрела популярность среди экономистов в 2009–2010 гг. благодаря выступлениям специалистов калифорнийского инвестиционного фонда PIMCO (Pacific Investment Management Company). Одним из ее авторов считается главный исполнительный

директор фонда Мохаммед Эль-Эриан [1]. По мнению экспертов, вместо привычного циклического восстановления мировой экономики после кризиса наступит длительный период медленного роста на фоне высокой безработицы. Развитие этих тенденций может привести к ослаблению доминирования западных экономик и сближению показателей уровня доходов и благосостояния стран Запада с растущими развивающимися экономиками. Рыночных факторов в условиях «новой нормальности» недостаточно для возобновления активного экономического роста, государство также не обладает эффективными рычагами воздействия на экономику. Найти выход с помощью финансовых вливаний не удастся, поскольку причиной наступившего застоя стала высокая перекредитованность экономики.

Подобная трактовка «новой нормальности» не указывает на новые источники роста, она лишь констатирует, что «плохие» по докризисным меркам экономические показатели становятся «нормальными». Некоторые российские экономисты связывают популярность термина «новая нормальность» с тем, что «под него можно подверстать все изменения, происходящие в мировой экономике», «новая нормальность, внешне претендуя на новизну, не предлагает свежих решений или хотя бы попыток объяснить, что происходит в мировом экономическом организме» [2].

Китайская версия концепции «новой нормальности» заметно отличается от западной. В ней нет пессимизма, и она не предназначена для оправдания неудач в экономической политике правительства ссылками на негативные тенденции в развитии мировой экономики. Вместе с тем китайский вариант концепции признает, что темпы экономического роста КНР после мирового кризиса 2008–2009 гг. уже не восстановятся до прежних двузначных показателей. Помимо внешних факторов, свою роль сыграли также внутренние изменения в китайской экономике, подробно исследованные российскими учеными [3].

Замедление темпов роста экономики КНР стало особенно заметным в 2013–2014 гг., когда был исчерпан эффект антикризисного стимулирования предыдущего десятилетия. Очевидное торможение роста ВВП выглядело как политический вызов для китайского руководства, пришедшего к власти в конце 2012 г. Возникла необходимость объяснить суть происходящего и вписать новые тенденции в концепцию реформ. Китайским властям было важно избежать появления панических настроений, способных ослабить деловую активность и нанести еще больший вред экономической стабильности.

На официальном уровне «новая нормальность» представлена как содержательная программа действий, нацеленных на развитие экономики в изменившихся условиях. С этой точки зрения переход к другому этапу экономического развития Китая есть объективный процесс, который следует изучать и учитывать при разработке среднесрочной и долгосрочной стратегии развития национальной экономики. Внешний мир должен увидеть, что китайская экономика продолжает устойчиво развиваться, она здорова

и жизнеспособна, а снижение темпов роста будет компенсировано повышением его качества.

«Новая нормальность» в оценках китайских экономистов.

Уже в начале августа 2014 г., после обнародования основных показателей за первое полугодие в «Жэньминь жибао», появилась серия комментариев под общей рубрикой «Китайская экономика при новой нормальности», дававших оптимистическую трактовку тенденций экономического развития. Снижение темпов роста в первой половине 2014 г. до 7,4 % не должно вызывать опасений, поскольку за три десятилетия реформ Китай превратился в экономического гиганта, у которого каждый процентный пункт роста представляет большую величину. Поддерживать прежние высокие темпы невозможно и не нужно, выполнить поставленную на XVIII съезде КПК задачу удвоения ВВП к 2020 г. можно и при более низких темпах.

В комментариях подчеркивалось, что «переключение передачи» от высокой к средне-высокой скорости движения не должно вызывать беспокойства. В условиях «новой нормальности» происходит переориентация на качество экономического роста, на первый план выходят повышение эффективности и устойчивости развития, снижение издержек производства. Для этого требуется поменять способы макроконтроля и повысить внимание к структурному урегулированию экономики.

Для понимания «новой нормальности» представляет интерес ее сравнение с идеями стадийного развития, выдвигавшимися китайскими лидерами в прошлом. Акцент на важности правильного определения этапа, на котором находится страна, трактуется как неперемнная «предпосылка победы». В частности, речь идет о трех стадиях войны сопротивления Японии, обозначенных Мао Цзэдуном [4]. Более современным примером стала концепция «начальной стадии социализма», появившаяся в период реформ в 1980-е гг. В связи с появлением «новой нормальности» речь о пересмотре «начальной стадии социализма» не идет, однако китайские авторы призывают выделять в ней более мелкие этапы. Китай по-прежнему находится на «начальной стадии социализма», но внутри этого «большого этапа» экономического развития сменился «малый этап».

В июне 2013 г. появилось и широко распространилось понятие «ликономика» (*Likonomics*), восходящее к имени китайского премьера Ли Кэцзяна. Это понятие придумал ведущий экономист «Барклайс Кэпитэл» в Азии Хуан Ипин, попытавшийся выделить специфические черты экономической политики нового руководства КНР. По его мнению, «ликономика» опирается на снижение долговой нагрузки, отказ от широкомасштабных планов стимулирования экономики и проведение структурных реформ. Хуан Ипин предположил, что «ликономика» замедлит темпы роста экономики Китая в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе сделает ее более устойчивой.

Появление официально признанной концепции «новой нормальности» сделало понятие «ликономика» излишним. Оно к тому же не было в полной степени новаторским: в 2012 г. появилось понятие «абэномика», описывающее экономические новшества японского премьера Синдзо Абэ. Содержательно «абэномика» была иной, поскольку опиралась на идею расширения масштабов экономического стимулирования, а не его сокращения. Однако с точки зрения политического контекста это понятие является более точным, поскольку указывает на имя автора и проводника экономического курса. Объединяет их то, что «абэномика» и «ликономика» обозначают среднесрочные (в пределах десятилетия) программы преобразований локального характера. «Новая нормальность» не является синонимом «ликономики», поскольку характеризует долгосрочные тенденции развития китайской экономики в глобальном контексте. Задача сохранения приемлемых темпов экономического роста сохранит свою актуальность после 2020 г., когда нынешним китайским лидерам нужно будет, по сложившимся правилам, уступить место преемникам.

Китайские исследователи считают, что повышение качества экономического роста позволит компенсировать последствия снижения темпов прироста ВВП. Ху Цзяюн из Института экономики АОН (Академии общественных наук) КНР указывает на кардинальные изменения в стимулах экономического роста. Когда начался кризис, главным двигателем экономического роста выступали инвестиции, однако в условиях «новой нормальности» все более важную роль играет потребительский спрос. Его

доля в ВВП, по мнению ученого, должна увеличиться до 60 %, после чего потребление населения начнет оказывать весомое стимулирующее воздействие на экономический рост. Одновременно будет сокращаться вклад экспорта, что будет способствовать снижению рисков, создаваемых зависимостью от внешней торговли. Все более заметную роль будут играть частные предприятия, повысится вклад центральных и западных регионов в экономическое развитие.

Повышение экономической значимости Центра и Запада Китая связано не только с политикой властей по содействию их развитию, но и со снижением динамики восточных приморских районов, работавших на экспорт. Исследователи указывают, что это ведет к сокращению разрыва в доходах между развитыми и отсталыми районами и, как следствие, к снижению коэффициента Джини, неуклонно возраставшего в предыдущие десятилетия. Такого еще одно проявление «новой нормальности» [5]. Хотя китайские власти давно провозгласили цель сокращения разрыва в уровнях развития различных регионов, предполагалось, что это произойдет за счет ускорения отстающих, а не замедления среди лидеров.

Чжан Пин из Института экономики АОН КНР отметил, что с точки зрения господствующей экономической теории снижение темпов экономического роста означает «большую санацию» по Шумпетеру, когда происходит банкротство несостоятельных предприятий и продвижение предприятий инновационных.

Для понимания китайской «новой нормальности» важен не только анализ внутренних проблем, но и их связь с глобальными экономическими процессами. Распространение среди западных исследователей пессимистических оценок перспектив мировой экономики способствует повышению интереса к идее «вековой стагнации» (*secular stagnation*), возникшей в конце 1930-х гг. и надолго забытой в период послевоенного процветания. Глава МВФ Кристин Лагард выразила опасение, что мировая экономика застыла в состоянии «новой посредственности» (*New Mediocre*), впереди предстоит длительный период низкого роста.

Зарубежные эксперты полагают, что замедление глобальной экономики затронет как развитые, так и развивающиеся страны. Китай также не станет исключением. Американские

экономисты Лоуренс Генри Саммерс и Лакт Притчетт прогнозируют в ближайшие 10–20 лет заметное снижение темпов роста китайской экономики: до 5 % в 2013–2023 гг. и до 3 % в 2023–2033 гг. Этот прогноз основан на законе «возврата к среднему значению» (*reversion to the mean*), в соответствии с которым высокие темпы развития представляют необычное явление и в итоге возвращаются к среднему уровню, соответствующему общемировым показателям. Доход на душу населения в современном Китае достиг уровня, при котором в большинстве экономик темпы роста падают с 6–7 до 3 %. С этой точки зрения будущее Китая нельзя оценивать, исходя из экстраполяции аномально высоких показателей предыдущих трех десятилетий [6].

Цай Фан отмечает, что подобные прогнозы не дают убедительного объяснения причин нынешнего снижения темпов китайской экономики и заметно понижают будущие темпы экономического развития. По мнению ученого, рост китайской экономики на уровне 7 % по-прежнему будет превышать среднемировые показатели. Для удержания этих темпов необходимо понять, что «новая нормальность» и сопутствующее замедление не являются результатом воздействия неблагоприятных внешних воздействий или проявлением цикличности. Это неизбежный результат долговременных тенденций, созданных структурными факторами.

Известный китайский экономист Линь Ифу попытался истолковать «новую нормальность», исходя из собственной концепции использования сравнительных преимуществ в процессе развития [7]. По его мнению, преимущества отсталости Китая позволят провести успешную структурную перестройку экономики, несмотря на замедление темпов роста. В сфере повышения уровня промышленности и освоения технических инноваций Китай обладает преимуществами перед развитыми странами, поскольку у него есть возможность использовать в передовых отраслях средства заимствования, переноса и впитывания чужого опыта с последующим переходом к инновациям. В сфере строительства инфраструктуры возможности также не исчерпаны. Хотя в Китае было построено много новых высокоскоростных железных дорог, автомагистралей и аэропортов, внутригородской транспорт, метро и дорожные сети развиты недостаточно, на улицах образуются

пробки, во многих городах сети коммунального хозяйства устарели.

Большие инвестиции потребуются для решения обостряющихся экологических проблем. Урбанизация Китая приносит примерно один процентный пункт экономического роста в год, что также дает шанс для дальнейшего развития. Указывая на большой объем накопленных в стране финансовых средств, Линь Ифу отмечает, что масштаб долгов стал контролируемым, у людей имеются большие накопления, государство обладает крупными валютными резервами, поэтому для расширения инвестиций можно использовать как государственные, так и негосударственные средства. Все это, по мнению ученого, создает основу для перехода китайской экономики на средне-высокий уровень [8].

Ху Аньган из Университета Цинхуа подчеркнул, что после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. рост экономики Китая стал стабилизатором мировой экономики. При «новой нормальности» роль Китая как стабилизатора станет еще более весомой. Ученый отметил, что при «новой нормальности» Китай переходит от статуса крупной страны — импортера капитала к статусу его нетто-экспортера, что означает углубление экономического взаимодействия с внешним миром [9].

Профессор Школы развития Пекинского университета Лу Фэн обратил внимание на комплексный характер «новой нормальности» в трактовке Си Цзиньпина. Она охватывает целый спектр новых явлений в экономике Китая, включая изменения в темпах роста, подъем экономической структуры на новый уровень, смену драйверов роста. Китайский лидер указал на возможности, которые дает «новая нормальность», включая более стабильное развитие и многообразие двигателей роста.

С точки зрения Лу Фэна, с появлением концепции «новой нормальности» китайской экономике придется отказаться от «старой нормальности», которую отличали «перегревы», неустойчивость, загрязнение окружающей среды и обострение социальных противоречий. Это системные проблемы, накопившиеся из-за отставания реформ до XVIII съезда КПК. Привнесенные мировым экономическим кризисом внешние риски привели к тому, что дальнейшее поддержание «старой нормальности» стало невозможным.

Экономический пояс Шелкового пути: рождение идеи.

Несмотря на сравнительную молодость проекта экономического пояса Шелкового пути, в его реализации можно выделить несколько этапов.

Первый этап — формулирование. Проект экономического пояса Шелкового пути был представлен Си Цзиньпином осенью 2013 г. в Казахстане. Первоначально эта идея не была наполнена конкретным содержанием.

Второй этап — апробация. Резко увеличилось количество международных конференций, проводимых на достаточно высоком уровне с приглашением экспертов из США, ЕС, России, Казахстана, Беларуси, Монголии и других стран. Китайские ученые практически каждое свое выступление начинали со слов: «Шелковый путь не является конкурентом ЕАЭС и не предполагает институционализации и наднационального регулирования».

Третий этап — уточнение. Конференции переносятся в регионы и города, которые станут частью Шелкового пути. Основная идея этих конференций состоит в том, что китайский проект не представляет угрозы и не составит конкуренции существующим региональным проектам.

Формулируется концепция «Один пояс, один путь», которая включает в себя проекты экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в. и предполагает, что глобальное развитие инфраструктуры за счет усилий Китая создаст базу для формирования новых зон (пояса) экономического развития для всего мира. Выказывается идея о синхронизации с Шелковым путем национальных стратегий развития других стран: ЕАЭС, казахского «Светлого пути», монгольского «Степного пути», южнокорейской «Евразийской инициативы».

Главная цель мегастратегии «Один пояс, один путь» — построение новой мировой транспортной инфраструктуры как основы для экономической экспансии китайского капитала.

Финансовая платформа.

В качестве финансовой платформы проекта учреждается Фонд Шелкового пути объемом 40 млрд долл. США, с направленностью на инфраструктурные инвестиции. Учредители Фонда: ЦБ КНР, Китайская инвестиционная корпорация, Экспортно-импортный банк Китая и Китайский

банк развития. Фонд действует в соответствии с китайским законодательством, в его проектах могут принимать участие иностранные инвесторы.

Планируется создание фонда поддержки предприятий (30 млрд долл. США), которые будут экспортировать китайские промышленные товары по Шелковому пути. Отдельные провинции также могут создавать фонды поддержки провинциальных компаний, участвующих в реализации проекта или использующих его инфраструктуру.

Основным механизмом является предоставление кредитов китайскими финансовыми институтами для реализации инфраструктурных проектов. Здесь главное условие — использовать китайское оборудование, товары, услуги и рабочую силу.

Железнодорожная дипломатия Китая.

Железнодорожная отрасль выбрана в качестве главной экспортной отрасли, которая может быть основой экономического развития Китая. Предполагается, что железные дороги будут локомотивом увеличения экспорта китайского высокотехнологичного оборудования.

В регионах осуществления проекта будет расширено присутствие китайских банков, финансовых организаций и, следовательно, расширено трансграничное использование юаня.

Перспективы проекта.

В среднесрочной перспективе экономический пояс Шелкового пути останется экономическим проектом, направленным на развитие внутренних районов Китая. При его реализации будет создана сеть двусторонних договоров и зон свободной торговли, но полноценное интеграционное объединение не сформируется.

Китай не будет переводить проект в институциональную форму или действовать исключительно через механизмы ЕАЭС или ШОС. КНР это не выгодно и может «затормозить проект» (в России долгая процедура принятия решений, предпочтение отдается не китайским технологиям, коррупция и т. п.).

В то же время реализация проекта приведет к значительным изменениям, таким как:

- расширение рынка сбыта для китайских товаров;
- стимулирование развития экономики страны;

- модернизация экономики;
- изменение структуры и направления экспорта;
- трансформация корпоративной карты региона;
- реиндустриализация внутренних провинций Китая;
- уменьшение внутренней миграции;
- закрепление экономико-географической ориентации;
- внутренняя глобализация Китая;
- увеличение доли юаня в мировой торговле;
- развитие инноваций;
- повышение эффективности китайского бизнеса.

В целом пространство экономического пояса Шелкового пути не предполагает жесткого наднационального регулирования. В то же время воплощение в жизнь проекта будет способствовать взаимопроникновению национальных экономик. Его структура останется гибкой на основе проектного финансирования и последующего сближения механизмов регулирования отдельных государств. При эффективном переговорном процессе он станет фактором инновационного развития не только экономики Китая, но и стран — участниц проекта.

Китай после Боао-2015.

Экономический форум 2015 г. в г. Боао стал этапным мероприятием, закрепившим новые приоритеты внешнеэкономической политики Китая. В качестве инструментов реализации новой внешнеэкономической политики Китай активно использует «умную силу» и многосторонние форумы для ее практического апробирования. Главной из них является так называемый китайский Давос — Боаоский азиатский форум. На форуме получили «обкатку» важнейшие корректировки китайского «выхода за границу» Главным новым элементом международной стратегии Китая становятся планы активного влияния на развитие глобальной экономики в предстоящее десятилетие [10]. Основные направления этого процесса следующие.

Первое: реструктуризация мировой инфраструктуры экономического развития посредством активного продвижения стратегии Шелкового пути.

Китай предлагает странам — участницам Шелкового пути перспективные возможности

торгово-экономического сотрудничества. На форуме были озвучены следующие показатели: в ближайшие пять лет китайский импорт составит 10 трлн долл. США, китайские инвестиции за рубеж — 500 трлн долл. США, количество китайских туристов — более 500 млн человекопоездки [11].

Второе: изменение мировой валютно-финансовой системы и вхождение в нее Китая в числе главных мировых финансовых игроков. В случае успеха реализации финансовой составляющей стратегии Шелкового пути Китай сможет реально укрепить юань в качестве третьей (после доллара и евро) мировой валюты.

Третье: стремление стать одной из движущих сил глобальной инновационной экономики. Форум в Боао акцентировал внимание на проблемах экологической безопасности.

Таким образом, суть китайской стратегии мирового лидерства в условиях «новой нормальности» можно свести к следующему: Китай объективно оценивает свои силы и пока не считает себя равным США. Отсюда его стратегическая задача: не лидерское превосходство, а попытка занять свое весомое место в мировой экономике и политике.

Заключение.

За последние годы экономический рост Китая существенно замедлился. Для характеристики этой ситуации китайскими аналитиками используется понятие «новая нормальность».

Концепция «новой нормальности» была представлена на форуме АТЭС в контексте китайских планов укрепления экономического сотрудничества с регионом. Несмотря на снижение темпов, Китай намерен развивать торговлю, увеличивать инвестиции, осуществлять международные инфраструктурные проекты. Переход на рельсы «новой нормальности» должен превратить китайскую экономику в источник долгосрочного стимулирования мирового хозяйства, вошедшего в период медленного и слабого посткризисного восстановления.

Китайская версия «новой нормальности» появилась в результате адаптации западной концепции к специфике страны. В ее основе лежит активная трактовка, требующая продолжения реформ с учетом изменившихся условий. Китайский подход к «новой нормальности» предполагает корректировку с полным учетом

неблагоприятных перемен в мировой экономике направления реформ, чтобы добиться глобального экономического лидерства.

Литература.

1. El-Erian, M. A. Navigation the new normal in industrial countries [Electronic resource] / M. A. El-Erian. — Washington: Per Jacobsson Foundation, 2010. — Mode of access: <http://www.perjacobsson.org/lectures/101010.pdf>. — Date of access: 11.04.2016.

2. Брагина, Е. Новая нормальность [Электронный ресурс] / Е. Брагина // Мировое и нац. хоз-во. — 2013. — № 4. — Режим доступа: <http://www.mirec.ru/2012-04/povaa-normalnost>. — Дата доступа: 11.04.2016; Брагина, Е. А. «Новая нормальность» — отражение мировой экономической неустойчивости? / Е. А. Брагина // Север — Юг — Россия, 2012: ежегодник / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений Рос. акад. наук; отв. ред.: В. Г. Хорос, Д. Б. Малышева. — М., 2013. — С. 15–18.

3. Портяков, В. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы / В. Портяков // Проблемы Дал. Востока. — 2014. — № 4. — С. 55–68; Бергер, Я. Новый этап экономического развития Китая (к итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва) / Я. Бергер // Проблемы Дал. Востока. — 2014. — № 2. — С. 49–62.

4. Мао Цзэ-Дун. О затяжной войне / Мао Цзэ-дун // Избр. произведения: пер. с кит.: в 4 т. — М., 1953. — Т. 2. — С. 191–337.

5. Yang Yao. A new normal, but with robust growth: China's growth prospects in the next 10 years [Electronic resource] / Yang Yao // Think tank 20: growth, convergence and income distribution: the road from the Brisbane G-20 summit. — Washington, 2014. — Mode of access: <http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Interactives/2014/thinktank20/chapters/tt20-china-growth-prospects-yao.pdf> — Date of access: 11.04.2016.

6. Pritchett, L. Asiaphoria meets regression to the mean [Electronic resource]: working paper № 20573 / L. Pritchett, L. H. Summers. — Cambridge: Nat. Bureau of Econ. Research, 2014. — Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w20573.pdf>. — Date of access: 11.04.2016; Pritchett, L. Growth slowdowns: middle-income trap vs. regression to the mean [Electronic resource] / L. Pritchett, L. H. Summers // VOX CEPR's Policy Portal. — Mode of access: <http://www.voxeu.org/article/growth-slowdowns-middle-income-trap-vs-regression-mean>. — Date of access: 11.04.2016.

7. Лин, Д. Й. Демистификация китайской экономики: пер. с англ. — М.: Мысль, 2013. — 378 с.; Потапов, М. Использование сравнительных преимуществ и частный сектор в экономике Китая / М. Потапов // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2015. — № 4. — С. 117–128.

8. Чжунго ю тяоцзянь шисянь цзинци «шуаи чжун гао» [Китай обладает условиями для осуществления «двух средне-высоких»] // Жэньминь жибао. Хайвай бань. 2015. 14 марта. — Mode of access: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0314/c1004-26692050.html>. — Date of access: 11.04.2016.

9. Ху Аньган: Синь чантай ся Чжунго цзян баньянь гэн чжунъяодэ вэньдинци цзюэсэ [При новой нормальности Китай будет играть более важную роль стабилизатора]. — Mode of access: <http://www.chinanews.com/gn/2015/03-22/7148596.html>. — Date of access: 11.04.2016.

10. Боаоский азиатский форум — 2015 [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. — 2015. — март. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31857/311370/>. — Дата доступа: 29.04.2015.

11. Хорошилов, К. Большие цифры и реальность: что стоит за экономическими заявлениями лидеров Китая? [Электронный ресурс] / К. Хорошилов // Южный Китай: особый взгляд. — Режим доступа: <http://southinvest.com/node/1458>. — Дата доступа: 03.04.2015.